

ПРОГОВАРИВАЯ ТРАВМУ: ОПЫТ ОККУПАЦИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ М. КИЗАПИЕВА¹

Показано, как опыт немецкой оккупации отражен в воспоминаниях одного из переживших ее свидетелей. Установлено, что вербализация, нарративизация этого опыта, с одной стороны, способствовала его отчуждению, а с другой – препятствовала его забвению.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация Крыма, эго-тексты, воспоминания, опыт, травма, память.

Воспоминания о военных реалиях являются ценнейшим источником, прежде всего не позволяющим обеднить представления о них. Мемуарная традиция, рассчитывая на которую в современных условиях развития гуманитарного знания стало нормой или как минимум хорошим тоном, рисует войну как изнурительную работу людей в тяжелых условиях фронта и тыла. Выживание в оккупации, тема которой стала широко изучаться лишь относительно недавно [2; 5; 6; 9–11], было делом не менее трудным. Проговаривание оккупационного опыта в эго-текстах является не просто прямой отсылкой к опыту коллективного страдания, формы и масштабы которого уже изучены и измерены статистически. Свидетельствуя об оккупации, пережившие ее люди получают возможность проговаривания травмы, а с ним и ее нормализации и переживания [1; 3; 4; 7; 8].

Именно с попыткой отчуждения личной травмы, связанной с оккупацией, мы имеем дело, когда читаем воспоминания Михаила Кизапиева (Кизапиди, 1914–1985) «Повесть моей жизни»². Этнический грек, в период Первой мировой войны вывезенный родителями из Турции в Крым, он к началу Великой Отечественной войны уже успел обзавестись работой, домом и семьей. Несмотря на свои 27 лет, на фронт М. Кизапиев не попал, так как страдал серьезным легочным заболеванием. 3 ноября 1941 г. фронт сам пришел в крымское село Асанбай (полное название – Асанбай Греческий, ныне – Маковское), после чего главной проблемой его жителей стала проблема выжить.

По воспоминаниям М. Кизапиева, каждый решал эту проблему по-своему, в том числе и так: «После прихода немцев изменники Родины и ставленники немцев делали свое дело. Бывший плановик совхоза Сироватский Михаил Иванович объявил, что он немецкий шпион, захватил в свои руки [бывший]

* Суржикова Наталья Викторовна – доктор исторических наук, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; snvplus@mail.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19–18–00221 «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте».

² *Кизапиев М. П. Повесть моей жизни // Семейный архив семьи Курсаниных (пос. Сосновый Бор Артемовского района Свердловской области).* Далее ссылки на этот источник опущены.

совхоз и стал управляющим. Корпенко П. С., [бывший] реализатор совхоза, сказал, что он царский офицер и поступил на работу агрономом совхоза. Король Платон сбежал с фронта, сдался в плен и поступил на работу в полицию. Бывший завмаг совхоза Щелоков Леонид стал работать завхозом в [бывшем] совхозе. Эта кучка предателей изъяла у рабочих последние продукты, взятые в совхозе на пропитание. Щелоков Леонид приводил немцев в дома к бывшим работникам совхоза и отнимал последние продукты».

Для убежденного комсомольца и секретаря совхоза Первой пятилетки М. Кизапиева такой выбор был неприемлем. Осуждая его спустя годы после войны и тем самым приобщаясь к принятым советским обществом оценкам, М. Кизапиев, однако подчеркивает в своих воспоминаниях: «Немецкая полевая жандармерия и гестапо неоднократно приезжали в нашу деревню и требовали выдать коммунистов и комсомольцев, но меня никто не выдал... Староста деревни Литвиненко Антон так же скрывал мою партийность...». Сквозящая в этих строках сдержанная благодарность автора тем людям, которые спасли его от неминуемой гибели, не отменяла факта их предательства. Она, однако, засвидетельствовала со всей наглядностью и тот факт, что личные истории современников определялись теми или иными поведенческими выборами окружавших их людей в не меньшей степени, нежели политика оккупационных властей, и что эти выборы были далеко не так однозначны, как может показаться.

Конкретное действие конкретного человека стало в условиях оккупации тем самым фактором, который позволял ему уцелеть. Обмануть оккупантов и спастись удавалось за счет, казалось бы, совсем не хитрых уловок: «... К учительнице Сударгиной подошел один из немцев, схватил ее за горло и потащил в кухню. Мария сопротивлялась, но немец несколько раз ударил ее по лицу и толкнул в кухню. Один немец держал дверь, а другой предложил ей не сопротивляться. Мария поняла, что сопротивляться бессмысленно, зная немного немецкий язык, она сказала немцам, что на все согласна, только ей необходимо выйти на несколько минут в туалет. Немцы позволили ей выйти, но через минуту или две, когда один из них вышел за ней, Сударгина уже бежала по улице и скрылась в каком-то доме. Немецкие мородеры уехали, но каждый день приезжали в деревню и искали ее». Однако, судя по всему, так и не нашли.

Сам автор, М. Кизапиев, оказавшись в толпе угоняемых в лагерь мужчин, также проявил находчивость и решительность, благодаря которым выжил: «Когда нас прогоняли по деревне Кайнаш Ичкинского района, население этой деревни собралось возле одного из домов и смотрело, как гонят военнопленных. Дорога в этом месте была узкая и извилистая, когда впереди идущий конвоир скрылся, а задний не мог видеть, я использовал момент и, выбежав из колонны, смешался с толпой местных жителей, многие в этом месте убежали из колонны...».

Убежать, спрятаться от беды в условиях оккупации М. Кизапиеву, как и многим его односельчанам, все же не удалось. В январе 1942 г., когда

в Феодосии с целью освобождения Крыма высадили советский десант, попавший затем в окружение, с. Асанбай стало местом кровопролитных боев, жертвами которых стали прежде всего местные жители: «В нашей деревне во время окружения красноармейцев было мало, боеприпасы кончались, но никто не сдавался. Командованием был дан приказ держаться до последнего. От деревни до совхозного сада, на расстоянии не более 300–400 метров стояли немцы и прямой наводкой из орудий и минометов расстреливали каждый дом, где прятались женщины и дети. В доме Чакова Николая, 75-летнего старика, находилось более 30 человек – детей, стариков и женщин. Находясь на достаточно близком расстоянии, немцы хорошо видели, что в доме никого нет, кроме детей и женщин. Несмотря на это, прямой наводкой немцы дали очередь по этому дому, снаряд разорвался прямо в доме, дом был разрушен. 22 человека, находившихся в доме, были убиты. На руках у моей жены Харитины был убит сын Ваня 1940 г. рождения, а у старшего сына Вовы 1938 г. рождения осколком оторвало пол головы. Жена была ранена в левую руку и контужена. Мать моей жены, Папандопуло Софья, Чаков Николай, его дочь Елизавета, которая должна была родить ребенка, были убиты. Были убиты дети Хацоверида Анастасии и дети Чаковой Василисы. Была убита Солоникиди Софья, ее ребенок, которого она держала на руках был ранен, но остался жив...».

Описывая происходившее далее в мельчайших деталях, М. Кизапиев не оставляет читателю сомнений в том, что эта трагедия стала для него вечным кошмаром, стереть который из памяти ему так и не удалось: «Моя жена выбралась из-под развалин, держа в руках нашего погибшего ребенка, и кричала не своим голосом, я в это время находился в соседнем доме, помогая красноармейцам держать оборону. Увидев все произошедшее и потеряв всякий страх, не помня ничего, я побежал к разрушенному дому. С нечеловеческой силой я откапывал из-под развалин убитого моего старшего сына, разрушенная крыша вперемешку с землей упала и придавила голову мальчика, штанишки с него спали, а ноги были теплые. Мне казалось, что он еще жив, пули свистели вокруг меня, но у меня была только одна мысль – скорее достать ребенка из-под развалин. Я продолжал обеими руками отгрести землю и отбрасывать обломки крыши. Когда я достал мальчика, он был мертв...». И далее: «Только по истечении месяца дети мои, а также все остальные убитые и расстрелянные были похоронены...».

Потеря детей, за которой последовали еще два года оккупации, что поразительно, не лишила М. Кизапиева желания жить дальше. Скорее, наоборот, она укрепила его в мысли о необходимости вынести все тяготы войны. Возможно, травматический опыт оккупации не помешал, а помог автору воспоминаний и его жене пережить и последовавшую затем депортацию на Урал. Самое страшное в жизни этих людей уже случилось, и «Повесть моей жизни», запечатлев это страшное, с одной стороны, дала М. Кизапиеву возможность отодвинуть от себя трагический опыт прошлого, а с другой стороны – не позволила обесценить этот опыт вместе с жизнями погибших детей автора.

Библиографический список

1. Война глазами детей: свидетельства очевидцев / сост. Н. К. Петрова. М.: Вече, 2018. 384 с.
2. *Гребень Е. А.* Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.). Минск: БГАТУ, 2016. 496 с.
3. *Дубик М. Г.* Повседневность оккупации в воспоминаниях жертв нацистских преследований // *Сторінки воєнної історії України*. 2012. № 15. С. 129–134.
4. Жизнь в оккупации: Пушкин. Гатчина. Эстония: Дневник Люси Хордикайнен / публ. С. П. Нуриджанова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. 148 с.
5. *Ковалев Б. Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 710 с. (Сер. Живая история: повседневная жизнь человечества).
6. *Кринко Е. Ф.* Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации. 1942–1943 гг. Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. 242 с.
7. *Никилев А. Ф.* Повседневная жизнь села в условиях немецкой оккупации лета 1941 – осени 1944 гг. По воспоминаниям крестьян (на примере Украинской ССР) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века : сб. статей. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 188–192.
8. Оккупированное детство: Воспоминания тех, кто в годы войны еще не умел писать / сост. П. Полян, Н. Поболь. М.: РОССПЭН, 2010. 380 с. (Сер. Человек на обочине войны).
9. *Реброва И. В.* Мир детской повседневности в условиях оккупации Северного Кавказа // *Вестник Пермского университета. Сер. История*. 2014. № 2 (25). С. 80–89.
10. *Романько О. В.* Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2014. 416 с. (Сер. На линии фронта. Правда о войне).
11. *Скоробогатов А. В.* Харків у часи німецької окупації (1941–1943). Харків: Прапор, 2004. 368 с.

N. V. Surzhikova

Doctor of Sciences (History), Deputy Director for Scientific Issues, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

UTTERING TRAUMA: EXPERIENCE OF OCCUPATION IN THE MEMORIES OF M. KIZAPIEV

The paper shows how the experience of German occupation reflected in the memories of one of the witnesses who survived it. The paper suggests that verbalization and narratization of this experience, on the one hand, contributed to its alienation, and on the other hand, prevented its oblivion.

Keywords: Great Patriotic War, occupation of Crimea, ego-texts, memories, experience, trauma, memory.